

Когда оба закончили собираться, мать Се уже приготовила завтрак.

Запасы зерна в доме подходили к концу, и Фан Нин, немного подумав, сказал:

— Матушка, я решил сегодня съездить в город. Продам лекарственные травы, выручу денег и куплю еды.

Сказал-то он так, но сам был здесь человеком новым, ничего не знал и хотел разузнать, ходит ли до города какая-нибудь повозка, запряженная быками.

Услышав это, мать Се почувствовала укол вины. Юный супруг, едва войдя в их дом, не увидел ни торжественной церемонии, ни праздничного застолья. А теперь, вместо того чтобы отдыхать, он должен заботиться о раненом муже и тянуть на себе всё хозяйство.

— Нин-эр, ты только пришел в наш дом. По правде говоря, забота о пропитании — не твоя ноша. Наша семья перед тобой виновата...

— Матушка! Что вы такое говорите! Раз я вошел в этот дом, мы теперь одна семья! А в семье не принято делить дела на свои и чужие. К тому же, я содержу дом лишь временно. Вот поправится муж... поправится Се Юань, и мы будем вместе вести хозяйство. Так что всё в порядке, матушка.

Фан Нин действительно еще не привык к здешним порядкам, особенно учитывая, что в прошлой жизни он всего добивался своими руками. Он просто не мог смириться с тем, чтобы сидеть сложа руки и жить за чужой счет.

Се Юань понимал его чувства, но старался смотреть на вещи оптимистично:

— Матушка, я знаю, что виноват. Но будьте спокойны: как только я поправлюсь, у Нин-эр будет всё то, что есть у других, и даже больше. Я не позволю ему жить в обиде!

Фан Нин понимал, что это лишь красивые слова, но на душе всё равно стало тепло.

— Вот и хорошо. Раз ты так относишься к Нин-эр, я спокойна. Но Нин-эр, как же ты поедешь один? Я волнуюсь! — мать Се, получив от сына твердое обещание, немного успокоилась.

— Матушка, я поеду с Нин-эр! — Се Юань понимал, что сейчас не время геройствовать, но и отпускать супруга одного в город он не хотел.

— Нет! — не успела мать Се открыть рот, чтобы отказать, как Фан Нин выпалил это в ту же секунду.

Даже мать Се удивленно посмотрела на него. Поняв, что отреагировал слишком резко, Фан Нин захлопал глазами и принялся объяснять:

— Твое тело еще не окрепло, нельзя так себя мучить. А вдруг рана разойдется...

Се Юань мягко посмотрел на него:

— Не разойдется, я буду осторожен.

Фан Нин сложил руки на коленях, как прилежный ученик на уроке. Се Юань, глядя на его послушный вид, почувствовал, как зачесались ладони — ему до ужаса хотелось коснуться его головы и проверить, такая ли она мягкая на ощупь, как кажется.

— Нет, Юань-эр, ты еще не поправился! Я тоже не могу отпустить, — мать Се поддержала Фан Нина. Только-только стало лучше, как можно снова отправляться в путь, не долечившись?

Старики, больные да немощные — в их доме нашлись и те, и другие, разве могла мать Се быть спокойна?

— Матушка, дело не только в этом. Мне нужно зайти в академию. После того как я получил травму, я там не появлялся и даже не отпросился, нужно сходить и всё объяснить! — видя, что оба настроены решительно, Се Юань решил пустить в ход свой главный козырь.

Против этого аргумента возразить было нечего: в те времена учеба считалась делом важным, а отношения между учителем и учеником — строгими.

— Тогда... тогда езжайте вместе. Только вернитесь пораньше, берегите себя!

— Хорошо, я привезу Нин-эр обратно в целости и сохранности, не волнуйтесь!

Мать Се сдалась первой, и Фан Нину не оставалось ничего, кроме как подчиниться. В душе он немного жалел: если бы поехал один, мог бы тайком жевать вкусняшки по дороге, а с Се Юанем этот номер не пройдет — прощай, тайные перекусы! Фан Нин почувствовал, как его покинула радость жизни.

После завтрака они отправились в путь. Дорога была неблизкой — на бычьей повозке ехать часа два. Повозка каждый день ждала у въезда в деревню и отправлялась, как только набирались пассажиры.

Когда они подошли к окраине, удача улыбнулась им: оставалось как раз два свободных места.

— Дядюшка Нью! Вот плата за проезд — за меня и за супруга, — Се Юань подошел к пожилому мужчине, сидевшему на повозке, и протянул две монеты.

— Ученый Се, ты поправился?

— Благодарю за беспокойство, дядюшка Нью, уже лучше.

— Вот и славно, вот и хорошо! А это, значит, твой супруг, Нин-эр? — дядюшка Нью посмотрел на Фан Нина, стоявшего рядом с Се Юанем.

— Дядюшка Нью, здравствуйте! Я супруг Се Юаня, — Фан Нин, внезапно оказавшись в центре внимания, вежливо улыбнулся и поздоровался.

— О, хорошо! Залезайте скорее, сейчас поедem! — дядюшка Нью смотрел на них и думал, что они — идеальная пара.

Тем временем в кузове повозки кучка деревенских женщин и супругов перешептывалась:

— И правда, ученый Се поправился! А я вчера еще не верила.

— Да уж, может, этот Нин-эр и правда приносит удачу?

— Эй, а ведь и правда! Се Юань сколько дней в себя не приходил, а как только женился на Нин-эре, сразу пошел на поправку. Совпадение ли?

Пока они оживленно судачили, в разговор вклинился ехидный голос:

— Пф, а с чего вы взяли, что это не просто совпадение? Может, Се Юань и так бы поправился, а Фан Нин просто подвернулся под руку? Только и умеет, что приписывать себе чужие заслуги!

Это была Шэнь Чунь, закадычная подруга Чжоу Сяоци, разделявшая его ненависть. Остальные супруги были примерно того же возраста и прекрасно знали, что из себя представляет Шэнь Чунь, поэтому никто не стал поддерживать его ядовитый тон.

Кто же не знал, что Шэнь Чунь так долго не выходил замуж только потому, что метил в супруги Се Юаню? Когда тот получил травму и поползли слухи, что он при смерти, мать Се даже послала сваху Чжан в дом Шэнь, но там, почуяв неладное, сразу отказали. А теперь, когда Се Юань пошел на поправку, сердце Шэнь Чуня снова забилося в предвкушении. Причем его ничуть не смущало, что у Се Юаня уже есть законный супруг — бесстыдства ему было не занимать.

Как только Фан Нин и Се Юань забрались в повозку, разговоры смолкли. Взгляд Шэнь Чуня тут же прилип к Се Юаню, и по иронии судьбы свободное место оказалось прямо рядом с ним.

Фан Нин с первой же секунды почувствовал неладное. Недовольно дернув Се Юаня за рукав, он усадил его рядом с собой, оказавшись вплотную к Шэнь Чуню. Шэнь Чунь при этом сделал такое скорбное лицо, будто Фан Нин совершил страшное злодеяние.

Фан Нин лишь закатил глаза: откуда в этом человеке столько драмы? По одному взгляду было ясно — ничего хорошего от него не жди. Ишь, на что замахнулся, на чужое добро глаз положил!

Се Юань же, погруженный в мысли об академии, даже не заметил назревающего «поля битвы» между супругом и посторонним человеком.

Спустя два часа пути, когда Фан Нин вылез из повозки, он чувствовал, что ноги и поясница ему больше не принадлежат. Сморщившись от боли, он заныл:

— Се Юань... я больше не чувствую своих ног...

Се Юань не знал, смеяться или плакать:

— Какой же ты неженка, Нин-эр.

Фан Нин не выносил таких слов и мгновенно взбодрился:

— Кто? Кто неженка? Ты? Да я тебя сейчас на руках подниму, хочешь проверить?

Се Юань, видя, как задела супруга, улыбнулся так тепло и ласково:

— Мой Нин-эр такой сильный, куда уж мне до тебя!

— Хм, то-то же! — решив, что признание засчитано, Фан Нин смиростивился и решил не спорить дальше.

Увидев городскую суету, Фан Нин пришел в восторг, но не забыл, зачем они приехали, и потянул Се Юаня вперед. Се Юань, не переставая улыбаться, смотрел, как его супруг носится вокруг, словно ребенок, и в его глазах светилась такая нежность, что скрыть её было невозможно.

<http://bllate.org/book/19374/1893649>